УДК 343.85

ЦИФРОВАЯ АДАПТАЦИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

DIGITAL ADAPTATION OF LEGAL CULTURE IN THE ERA OF GLOBAL DIGITALIZATION

С. Я. Лебедев
Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина,
заведующий кафедрой уголовного права и адвокатуры,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Аннотация. *В статье оцениваются место и роль правовой культуры в системе обеспечения общественной безопасности в эпоху глобальной цифровизации, обосновываются перспективы ее адаптации к вызовам и противоправным угрозам современного и будущего информационного общества.*
Ключевые слова: *правовая культура, вызовы глобальной цифровизации, кибербезопасность, общественная безопасность.*

Annotation. *The article assesses the place and role of legal culture in the system of public security in the era of global digitalization, and substantiates the prospects for its adaptation to the challenges and illegal threats of the modern and future information society.*

Keywords: *legal culture, challenges of global digitalization, cybersecurity, and public safety.*

Современная мегатехнологическая действительность, насыщенная небывалыми доселе для человека информационно-телекоммуникационными соблазнами, искусственно-интеллектуальными заменителями привычных социальных коммуникаций и прочими освобождающими человечество от тысячелетиями формировавшихся, развивавшихся и укреплявшихся традиционных во всех предшествующих цивилизациях реальных физических взаимодействий между людьми, закономерно создает для сегодняшнего и тем более будущего представителя, пока еще Homo Sapiens, угрозу разрушения его разума. Ее вселенские масштабы определенно сравнимы разве что с предначертанной в новозаветном Апокалипсисе перспективой Армагеддона. Если Господь желает наказать человека, он лишает того разума — мудрость, существующая в разных интерпретациях во всех религиозных источниках, от языческих до буддистских, иудейских, христианских и мусульманских.

Какие же при такой печальной для человечества перспективе у него есть резервы для того, чтобы пусть и ненадолго продлить свое существование в этом реальном мире? Думается, что в определенной мере этому должно способствовать развитие и укрепление в сознании миллионов людей правовой культуры. Позволю себе предположить, что определение сущности, значения, векторов

и будущих траекторий развития правовой культуры в современном социуме, анализ ее актуальности и восприятия различными социальными группами и сферами жизни, а также духовной культуры в целом, неотъемлемой частью которой она выступает, представляется в некотором роде ключевой задачей для сохранения человеческой цивилизации и, как следствие, ее преемственности в будущих эпохах. Более того, именно правовая культура, будучи врожденной для разумного человека формой обустройства относительно стабильного существования для себя и своих сородичей, а также построения социально одобряемых отношений между ними, базирующейся на следовании общепринятым правилам человеческого сосуществования, выработанным предыдущими и нынешними поколениями и формирующим квинтэссенцию права, становится одновременно первостепенным залогом общественной безопасности и основным гуманитарным ресурсом, ее обеспечивающим. В этом, по сути, и заключается значимость права (или, если угодно, правовой культуры) для любой формы цивилизованного развития.

Каждая новая эпоха развития цивилизации и сопутствующих ей культур, включая систему права, привносит в общество новые социальные ценности. Эти ценности в определенной мере отличаются своим социокультурным назначением от тех, что существовали ранее. Однако важно отметить что, несмотря на масштабные трансформации, затрагивающие все сферы жизни, фундаментальная природа ресурсов, на протяжении веков обеспечивавших нормальное функционирование общества, как правило, оставалась неизменной. К таким основополагающим элементам, безусловно, относятся право и его культурная основа. Они служат залогом преемственности социально-правовых ценностей и накопленного опыта в новых эпохах, независимо от технологических инноваций, направленных на их трансформацию.

В отличие от прошлых цивилизаций, которые тысячелетиями формировали и развивали человеческие ценности в рамках традиционного, основанного на реальном общении, социального взаимодействия, нынешний, 6-й технологический уклад, стремительно уводит человечество в сферу виртуальных контактов. Формируется новая реальность — метавселенная, состоящая из множества метапространств, каждое из которых насыщено разнообразными виртуальными (цифровыми) социальными взаимодействиями. Эти инновационные формы коммуникации определяют специфику зарождающихся социокультурных ценностей. В совокупности они создают и развивают систему метавзаимодействий, существующую за пределами привычных, реальных форм человеческого общения, характерных для предыдущих эпох. В этом контексте современную цивилизацию вполне справедливо можно именовать метацивилизацией.

В нашей современной, глобально трансформирующейся реальности, где инновационные технологические скачки преобразуют каждый аспект человеческой жизни — от быта до политики — большинство людей, к сожалению, пока никак не осознает всепроникающее влияние современных технологий, характерное для 6-го технологического уклада, на первоначальном этапе развития которого сегодня пребывает человечество. Право же, по крайней мере ныне, в традиционном своем воплощении, большей своей частью дистанцируется от современных информационно-телекоммуникационных отношений, сосредотачиваясь скорее на регулировании исключительно реальных человеческих взаимодействий, нежели на их информационно-технологических обличиях, тогда как именно в настоящий исторический момент технологии начали активно вмешиваться в традиционные социальные связи, подчиняя их своей логике и потому одновременно становясь инновационным глобальным вызовом для правовой культуры.

Следовательно, право, как главный хранитель цивилизации от потенциальных угроз, многие из которых носят противоправный характер, сталкивается с необходимостью активного вмешательства в технологические процессы. Его задача — обеспечить условия, при которых развитие технологий оставалось бы в рамках правового поля. В этом, кстати, и состоит главный аргумент целесообразности и в известной степени *неизбежности адаптации правовой культуры к вызовам эпохи глобальной цифровизации*.

Современный 6-й технологический уклад, по мнению экономистов, представляет собой принципиально новую систему, основанную на стремительном развитии пяти мегатехнологий: нано-, био-, инфо-, когни- и социотехнологий (НБИКС). Эти технологии охватывают все сферы жизни, создавая новые, виртуально-цифровые формы взаимодействия, во многом вытесняя реальные. По сути, они формируют метавселенную, куда перемещаются все социальные взаимодействия, как положительные, так и негативные, включая преступные. Погружаясь в цифровой мир, человечество отстает в осознании угрожающего потенциала этих технологий, их разрушительного влияния на традиционные связи и культуру, и, как следствие, недостаточно внимания уделяет обеспечению кибербезопасности.

Сегодня, как известно, основную роль в борьбе (условно говоря) с правонарушениями в сфере информационных технологий выполняют частные компании, специализирующиеся на IT-безопасности. Благодаря их коммерческой направленности они располагают значительно большими финансовыми, материально-техническими и технологическими ресурсами, а также квалифицированными кадрами, нежели государственные правоохранительные органы, чье финансирование зачастую ограничено. Вследствие этого цифровая

преступность, выходящая из-под реального контроля государства, который пока еще не может эффективно охватить виртуальное пространство, попадает под технологическое влияние существующих кибербезопасных структур, к примеру, таких известных, как «Лаборатория Касперского», Group-IB, «Инфосекьюрити» и многих других.

При этом как сами IT-специалисты, так и юристы, анализирующие их деятельность с точки зрения кибербезопасности, едины во мнении, что любые действия, направленные на противодействие кибератакам, являются в известном, по крайней мере юристам, смысле противоправными. Ведь кибератаки по своей сути — это преступление. А пресечение и тем более расследование преступлений, чем, к слову, до недавнего времени открыто занималась, например, компания Group-IB, является исключительной компетенцией правоохранительных органов. Независимо от того, насколько социально значимой может казаться деятельность негосударственных служб безопасности по нейтрализации и расследованию киберпреступлений, она от этого не становится менее незаконной. Это можно сравнить с действиями прославившихся своими, по сути, антиобщественными акциями так называемых санитаров общества, которые по аналогии якобы «очищают» общество от педофилов, незаконных мигрантов или коррупционеров.

Инновационные преступления, совершаемые в киберпространстве, в значительной степени остаются вне поля зрения правоохранительных органов из-за отсутствия эффективных механизмов контроля в этой виртуальной среде. Современная правоохранительная деятельность, функционируя в рамках инновационного технологического уклада, зачастую стагнирует, опираясь на устаревший потенциал и традиционные формы правового обеспечения, включая сложившиеся каноны правовой культуры. Фокус направлен на противодействие реальным, а не виртуальным угрозам, сохраняя ориентацию на защиту личности, общества и государства от обычных видов преступности. Эта правоохранительная традиционность становится главным, но совершенно неадекватным ответом на масштабы и характер криминальных угроз, порожденных инновационными технологиями. Ее «ручные» методы явно не соответствуют современным технологическим вызовам.

IT-специалисты и продвинутые пользователи хорошо осведомлены о факторах, обеспечивающих комфортное и безопасное существование в гибридном мире. К ним относятся высокая эффективность достижения целей, превосходящая реальные возможности, низкая стоимость информационно-коммуникационных технологий, доступность цифровой инфраструктуры и, что особенно важно, *анонимность* инициатора действий, обеспечивающая защиту от воздействия со стороны правоохранительных органов. Таким образом,

криминальная деятельность находит в современном гибридном мире гораздо более благоприятные условия для самореализации, нежели в реальном, который по-прежнему находится под традиционным контролем действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики. Можно уверенно констатировать, что никогда еще за всю свою многотысячелетнюю историю преступность не пребывала в более благоприятной для нее атмосфере правоохранительной беспомощности.

Более того, в современном мире информационно-телекоммуникационная сфера приобретает для обычного человека все большее значение в целях достижения личного благополучия, превосходя в этом отношении правовую культуру. Даже высококвалифицированные сотрудники правоохранительных органов, придерживаясь традиционных форматов правовой культуры, сталкиваются с трудностями в обеспечении общественной безопасности.

На фоне стремительного развития информационных технологий, являющихся ключевыми для современного общества, правовые стандарты, развивавшиеся веками, постепенно вытесняются. Эта трансформация, происходящая на фоне обозначенного технологического уклада, обостряет противоречие между информационно-телекоммуникационной и правовой культурами. Информационная культура, по сути, замещает собой правовую, которая долгое время служила фундаментом для юриспруденции и правоохранительной деятельности.

К этому добавляется еще одна проблема: информационное сообщество не всегда признает превосходство правовой культуры над технологической. Несмотря на то, что любая технология подразумевает наличие правовых норм, попытки установить правовой контроль над технологическими процессами с целью предотвращения киберпреступности пока не встречают должной поддержки.

Тем не менее, информационное сообщество не отказывается от соблюдения правовых норм. Деятельность в сфере инновационных технологий уже регулируется федеральными законами, указами Президента, постановлениями Правительства и другими нормативными актами.

Серьезным стимулом для развития систем масштабного правового контроля над инновационной преступностью стала принятая в декабре 2024 г. и ратифицированная Российской Федерацией в октябре 2025 г. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности, создавшая для мирового сообщества и открывшая перед специалистами международных и национальных систем правоприменения новые впечатляющие перспективы в развитии всевозможных правовых и технологических ресурсов противодействия информационно-телекоммуникационным (цифровым) преступлениям [1].

Таким образом, современные противоречия и вызовы эпохи глобальной цифровизации, безусловно, требуют от правовой культуры скорейшей адаптации к новым информационно-технологическим условиям, оперативного и адекватного проникновения в телекоммуникационные сферы общественного бытия для защиты государства, общества, личности от инновационных криминальных угроз.

---

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям [Электронный ресурс] : принята резолюцией 79/243 Генер. Ассамблеи от 24 дек. 2024 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.unodc.org/unodc/ru/cybercrime/convention/text/convention-full-text.html (дата обращения: 05.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье